

Печатать разрешаю на правах рукописи. Сентября « 8 »
дня 1891 года.

Подписать: Военный Губернаторъ Ферганской
Области, Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоръ Корольковъ.

ДОКЛАДЪ

Подполковника
В. А. Громбчев-
скаго, читанный
въ Николаевской
Академіи Генера-
льнаго Штаба
14 Марта 1891 г.

Англо - русскія соглашеніе 1872—73 г. условлено было между обоими государствами, что вліяніе Россіи не должно распространяться на лѣвый берегъ Панджа, а вліяніе Англіи — на правый. Соглашеніе это въ 1883 г. нарушено было англичанами, которые побудили англичанъ занять Шугнанъ, Рошанъ и Ваханъ, т. е. памирскія ханства, при чемъ сфера вліянія Афганистана распространилась далеко на правый берегъ Панджа и достигла до окраинъ Памира. Министерство иностранныхъ дѣлъ, хоти и опротестовало столь существенное нарушеніе договора, но, въ виду политическихъ событій того времени, англійское правительство нашло возможнымъ не удовлетворить законныхъ требованій нашего министерства и занятія провинцій остались во власти Афганистана.

*Печатать разрешаю на правахъ рукописи.
Сентября “ 8 “ дня 1891 года.*

*Подписаль: Военный Губернаторъ Ферганской Области,
Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоръ Корольковъ.*

В. А. ГРОМБЧЕВСКИЙ

ДОКЛАД

**Подполковника В. А. Громбчевскаго читанный в
Николаевской Академии Генеральнаго Штаба 14
марта 1891 г.**

*Текст воспроизведен по изданию: Доклад подполковника В. А. Громбчевскаго,
читанный в Николаевской Академии Генеральнаго Штаба 14 марта 1891.
М. 1891*

Англо - русским соглашением 1872 — 73 г. условлено было между обоими государствами, что влияние России не должно распространяться на левый берег Панджа, а влияние Англии — на правый. Соглашение это в 1883 г. нарушено было англичанами, которые побудили авганцев занять Шугнан, Рошан и Вахан, т. е. памирские ханства, при чем сфера влияния Авганистана распространилась далеко на правый берег Панджа и достигла до окраин Памира. Министерство иностранных дел, хотя и опротестовало столь существенное нарушение договора, но, в виду политических событий того времени, английское правительство нашло возможным не удовлетворить законных требований нашего министерства и занятые провинции остались во власти Авганистана. [2]

Осенью 1888 г. разразились события, хорошо памятные всем интересующимся судьбою Средней-Азии. События эти поразили своего неожиданностью и доказали наглядно непрочность и отсутствие внутренней связи в таком сильном, повидимому, государстве, как Авганистан. Если бы не великодушные и беспримерные в летописях безкорыстие России — весь Северный Авганистан вошел бы в состав империи и Россия встала бы твердою ногою на Гиндукуше. Оплот, воздвигнутый англичанами против России и поддерживаемый ценою громадных материальных затрат, а именно: выдачею 1.200.000 рупий ежегодной субсидии, рушился было сам собою, а занятие Северного Авганистана и непосредственное соседство с Индиею причиняло бы не мало забот и горя ост-индскому правительству.

Дело в том, что наместник Северного Авганистана Исхак-хан, двоюродный брат эмира Абдурахмана, отложился и просил защиты и покровительства у Белого Царя. Преданные эмиру войска бежали, очистив весь Северный Авганистан. События эти застали англичан врасплох и следовали так быстро, что уже в Ноябре 1888 г. в памирских ханствах и Бадахшане водворились законные владетели, а в Мазар-и-

Шерифе — воссел Исхак-хан. Все это случилось в течении одного месяца и совпало с пребыванием моим в Канджуте. Происшествия эти чрезвычайно подняли престиж России и усилили естественную к нам симпатию средне-азиатских народов. Для пояснения насколько симпатия эта сильна, я позволю себе привести несколько случаев, подтвержденных официальными письмами и документами: [3]

Уезжая из Канджута, я оставлял хана серьезно больным. Тем не менее, он принял меня во дворце и в торжественной прощальной аудиенции, в присутствии сановников страны и послов из Гильгита, поручил мне довести до сведения ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, что он просит принять его и страну в подданство России. Сафдер-Али-хан, показывая мне письмо к нему Вице-Короля Индии, между прочим, сказал: “Вот письмо, в котором он обещает сделать страну мою арсеналом и казнохранилищем Индии (т. е. переполнить оружием и деньгами). Я ненавижу англичан и прогнал посланцев. Я знаю, англичане будут мстить мне за это, но я не боюсь их, ибо прислонился к скале, на которой незыблемо стоит Великий Белый Царь”. Далее он просил снабдить его хотя бы двумя горными орудиями и сотнею берданок, обещая никогда не допустить в страну свою англичан. Речь свою правитель Канджута закончил словами: “я молюсь о здравии Белого Царя, моего Великого Покровителя” и, повернувшись к западу, сотворил молитву вместе со всеми присутствовавшими.

Заявление это поставило меня в крайне затруднительное положение. Я посетил Канджут с научною целью, не имея никакой политической миссии и не знал что ответить хану, избалованному предложениями и ухаживаниями англичан. Поэтому, подтвердив еще раз о совершенно частном характере моего посещения, посоветовал хану обратиться к ИМПЕРАТОРСКОМУ российскому консулу в Кашгарии. Сафдер-Али-хан снарядил в Кашгарию посольство, снабдив посла собственноручными письмами к консулу, туркестанскому генерал-губернатору и министру иностранных [4] дел. Послу поручено было идти, по крайней мере, до Ташкента и вручить лично письма генерал-губернатору, но консул наш в Кашгаре задержал его, письма отобрал, а самого в Ташкент не пустил. О дальнейшей участи ходатайства Сафдер-Али-хана достоверных сведений не имею. Кажется письма отправлены были в азиатский департамент министерства иностранных дел, правитель же Канджута не был даже почтен ответом. Повидимому, такая

же участь постигла и письмо Сафдер-Али-хана 1 ко мне от 30 Августа 1888 г., в котором он, узнаив о Тезоименитстве ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, просит довести до сведения ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА о его беспредельной преданности, при чем, между прочим, пишет: “Узнав о высокаторжественном дне, который празднуют все подданные Великого Белого Царя, я с моим народом надел новые платья и отпраздновал этот день настолько торжественно, насколько позволили то средства моей бедной страны. У меня одна только пушечка и я приказал стрелять из нее во славу Великого Государя”.

В 1889 г. в рошанском селении Сарез я приятно удивлен был симпатиею населения к русским. Жители называли себя не иначе как подданными Белого Царя и новое занятие Рошана авганскими войсками объясняли тем, что русские войска далеко и не могли подоспеть во время, чтобы прогнать авганцев. В день прибытия экспедиции в Сарез, явились ко мне старики и привели связанным вновь назначенного авганцами сельского старшину, прося примерно наказать его [5] за то, что он заставляет их подчиняться “дузам”, т.- е. ворам (другой клички здесь для авганцев не существует). Я поспешил освободить старшину и одарил его халатом, а старикам объяснил значение русской поговорки: “До Бога высоко, до Царя далеко”...

Бывали случаи, когда правители памирских ханств подвергались самым жестоким наказаниям за симпатии, оказанные русским. Так например: правитель Шугнана, Юсуф-Али-хан, казнен был эмиром Абдурахман-ханом за гостеприимство, оказанное им русскому путешественнику доктору Регелю. Правитель Вахана, Али-Мордан-Ша, принял у себя экспедицию капитана Путяты и, опасаясь участи постигшей Юсуф-Али-хана, бежал в Чатрар, где скитается по настоящее время. Тем не менее, симпатии его к нам не уменьшились и в 1888 г., выбравшись из Канджута на Памиры, я получил письмо от правителя Вахана, Али-Мордан-Ша, в котором он сообщал о бегстве авганцев и водворения своем на прародительском престоле, выражал искреннее желание служить России и приглашал меня в страну свою, обещая препроводить в Шугнан и ручаясь за полную мою безопасность. Письмо это получено было мною в первых числах Октября, т. е. немедленно после выхода из Канджута, когда все денежные ресурсы экспедиции заключались в 37 металлических

рублях. Кроме того, у меня не осталось ничего из подарочных вещей, а также погибли почти все лошади, как лично мои, так и казачьи. Идти в Вахан и дальше через Шугнан и Бадахшан в Бухару пепком, без денег и необходимых в Средней Азии подарков — не позволяло мне чувство национального достоинства. Я [6] направился в Кашгар, предполагая занять деньги в консульстве, приобрести лошадей и кое что из подарочных вещей и, снарядившись заново, через, Памиры проникнуть в Вахан. В Кашгаре я встретил самый радушный и сердечный прием в семье консула Н. Ф. Петровского, который, снабдив меня всем необходимым для перехода зимою через Тянь-Шань в Ферганскую область, однако категорически отклонил предполагаемую поездку в Вахан, ссылаясь на отсутствие разрешения со стороны министерства иностранных дел.

В 1889 году, не имея возможности проникнуть в Кафиристан со стороны Бадахшана, я решил попытаться пройти туда через Чатрар и, с этою целью, снарядил нарочного с письмом к Амоны-уль-Мульку, в котором просил пропустить меня в Кафиристан, хотя бы в сопровождении одного из слуг, при чем в вознаграждение предлагал все, что ему понравится из имущества экспедиции. Отослав письмо, я оставил экспедицию на верховьях р. Ак-су и, в сопровождении 3 казаков, перешел на истоки р. Вахан-Дарьи с целью исследовать перевал Хударгурт (Сухсурават), ведущий в Чатрар и Ясин. Экскурсия эта была очень рискованна, так как приходилось пройти в виду урочища Лянгар, где стоял авганский пост. Благодаря сильной мятели нам удалось пройти мимо Лянгара незамеченными, но та-же мятель занесла следы тропинки и нагромодила такие массы снегу, что перевалить через перевал нам не удалось. Тем не менее положение перевалов Хударгурт и Келендж (Иршоод) в Канджут — определено точно. На обратном пути нам пришлось остановиться [7] на ночлег так близко от авганского поста, что мы ясно слышали ржание лошадей и оклики часовых. Миновав на рассвете пост, мы вышли на большую дорогу в Бозай-и-Гумбес и на четвертые сутки вернулись к экспедиции. Вскоре прибыл посланец мой из Чатрара и привез письмо от Сарвар-уль-Мулька, правителя Мастуджа, который между прочим пишет: “Именем отца моего извещаю вас, что страна моя переполнена англичанами, которые следят за каждым шагом моим. Поэтому пропустить вас в страну Сиахнушей никак невозможно. Вы пишете: —

“пропустите меня с одним или двумя слугами; какой вред могу я причинить вашей родине, прийдя одиноким?” Вы не знаете, чего требуете. Как стадо овец бежит в беспорядке при виде одного волка, так ференги боятся одного русского. Как могу я защитить вас от ваших злейших врагов, которые, говорю вам, переполняют страну мою? А в случае несчастья с вами, что отвечать мне Белому Царю?” Письмо это интересно тем, что написано правителем страны, неимевшим никаких сношений с Россиею и, наоборот, получающим в течении многих лет субсидию от ост-индского правительства.

Когда мы подошли к границам Рошана, то правитель ея, Сеид-Акбар-Ша, прислал ко мне письмо следующего содержания: “Завоевателю мира, подобному орлу, великому господину. Да будет вам, владетелю вселенной, оказывающему помощь, известно, что до настоящего времени я страну мою считал входящею в состав владений Великого Белого Царя, теперь же явились сюда воры-грабители и овладели половиною моих владений. Раньше этого времени о положении [8] моем я отправил донесение к слугам Великого Государя, но ответа еще не получил. Докладывая вам о положении дел, высказываю надежду, что страна моя будет принята под покровительство Великого Белого Царя, воры же убегут и перестанут разорять мою родину. О последующих событиях буду извещать вас своевременно. Пока Рошан находится в моих руках — считайте эту провинцию своими владениями. Что могу я еще добавить к высказанному?” К письму приложена печать: Сеид - Махомет-Акбар-хана сына Сеид-Эмир-хана.

Вслед за сим получилось второе письмо от правителя Шугнана, в котором он между прочим пишет: “осведомившись о желании вашем пройти в Кафиристан, докладывая, что дороги чрез Шугнан охвачены железным кольцом Авганцами и все находятся в их руках. Дорога по ущелью р. Бартанг на Памиры, вследствие обвала балконов и разлива реки, представляет серьезные опасности и едва-ли проходима даже для пешеходов. Не подумайте, что я хочу воспретить вам проход по р. Бартанг! Дорога эта в вашем распоряжении, я же докладывая об ожидающих вас трудностях”.

Подлинники всех только что прочитанных писем частью сданы в министерство иностранных дел, частью-же хранятся в географическом обществе и у меня.

Вот в общем, характер отношений к нам, русским, правителей самых диких и разбойничьих племен, какие еще сохранились в дебрях Центральной- Азии. К этому не лишним считаю добавить, что явился я в Канджут в сопровождении 4-х казаков и не имел возможности прельстить хана ни щедростью, ни подарками, так как все средства экспедиции заключались [9] в 2,000 кр. р., отпущенных мне географическим обществом, да в 300 р. золотом, подаренных экспедиции министром ИМПЕРАТОРСКОГО Двора, графом И. И. Воронцовым-Дашковым.

Для характеристики народных чувств сообщу теперь об отношении канджутцев к англичанам. За два года до меня посетил Канджут полковник Локхарт. Он явился в Канджут со стороны Гильгита, прошел всю страну с юга на север и спустился в Вахан, откуда чрез Чатрар вернулся в Индию. Долго длились переговоры с отцом нынешнего правителя Канджута, Газан-ханом, о пропуске полковника Локхарта, который, за пропуск чрез страну, предлагал солидную сумму денег, но требовал заложников, которые гарантировали бы жизнь и безопасность экспедиции. Наконец сделка состоялась. Младший сын хана и сын визыра отправились в Гильгит в качестве заложников и оставались там под стражею все время, пока полковник Локхарт находился в пределах Канджута. Английская экспедиция вступила в страну в сопровождении значительного конвоя и сотен носильщиков. Я видел список подарков, поднесенных английским офицером правителю страны, его сыновьям и сановникам. Подарки эти, преимущественно: деньгами, оружием, парчею и сукном, по самой скромной оценке, превысили сумму в 30 тысяч рупий. Тем не менее, не смотря на заложников, не смотря на то, что полковник Локхарт сыпал деньгами щедрою рукою, стараясь угодить всем и каждому, Газан-хан приказал ловить носильщиков экспедиции и 18 человек из них продал в рабство киргизам Памира, сарыкольцам и проч. Пока английская экспедиция [10] находилась в пределах Канджута, полковник Локхарт, повидимому, не рисковал протестовать против захвата в плен его людей, но из Вахана он написал письмо правителю страны, в котором просит выдать захваченных людей, при чем пишет: “Ради достоинства Великобритании я заплачу за них сколько пожелаете”. Газан-хан однако выдать людей не согласился и гордо ответил: “Ради моего достоинства я продам их тем, кому пожелает”. Оскорбление это было далеко не

единственным. Населению разрешено было воровать у экспедиции все, что удавалось, брать за съестные продукты невероятные цены (мука продавалась на вес серебра) и т. д. Сафдер-Али-хан, рассказывая мне о пребывании английской экспедиции, прибавил: “лорд Локхарт выбрался от нас вот так”, при этом хан показал мне средний палец, предварительно пососав его, что должно было означать, что полковник Локхарт ушел только с жизнью, лишившись всего имущества. Казалось бы, что раз экспедиция выбралась из пределов Канджута все перенесенные оскорбления могли быть вымещены на заложниках. Однако политика заставила подавить чувство естественной и вполне справедливой злобы и заложники, щедро одаренные, возвратились спокойно на родину, а несчастные носильщики предоставлены были собственной судьбе.

Газан-хан не долго пользовался богатыми подарками английской экспедиции. Население не простило ему пропуска чрез страну людей, которых оно считает естественными и злейшими своими врагами. В стране образовалась сильная партия недовольных, во главе которой встал старший сын Газан-хана и нынешний визир Даду. Заговор созрел и Газан-хан убит [11] был выстрелами из дома Сафдер-Али-хана в тот момент, когда он проезжал из загородного сада во дворец. Сафдер-Али-хан; вступив на престол, официально сообщил китайским властям в Кашгаре, что отец его убит им за то, что пропустил чрез страну англичан.

Вышеизложенные факты настолько характерны, насколько ясно свидетельствуют о чувствах народа к англичанам и к русским, что всякие комментарии к этому считаю излишними.

Резюмируя все вышеизложенное нельзя не признать, что политические события в этом отдаленном углу Центральной-Азии складывались для нас в конце 1888 г. весьма благоприятно. К сожалению, мы не пожелали ими воспользоваться и дали англичанам возможность не только оправиться, но и значительно расширить сферу своего влияния.

Так ост-индское правительство, сознавая непрочность Авганистана, решило не только укрепиться на южных склонах Гиндукуша, но и захватить в свои руки все, что, удастся, к северу от этого горного хребта.

Обратное завоевание Северного-Авганистана закончено было к половине Июля 1889 г., при чем вновь захвачены были и все памирские ханства. Завоевание это сопровождалось невероятными зверствами. Казни производились ежедневно. Деревни, заподозренные в сочувствии к Сеид-Акбар-Ша, выжигались, а поля вытравлялись лошаадьми. Все девушки и более красивые женщины в стране были отобраны и частью отправлены к эмиру Абдурахману, частью же розданы войскам в жены и наложницы. Из Шугнана [12] набрано 600 человек мальчиков в возрасте от 7 — 14 лет, детей более влиятельных родителей; мальчики эти отправлены были в Кабул на воспитание. Население изнемогало под авганским гнетом, а в перспективе ожидался голод и связанные с ним бедствия. Вообще эмир Абдурахман в жестокости превзошел всякие границы. Так например: родственники бывшего командующего войсками в Шугнани и Вахане — Джарнейля-Сеид-Али-хана, перешедшего на сторону Исхак-хана, подверглись следующему наказанию: мужчинам выколоты были оба глаза, а женщинам по одному, что-бы они могли работать и кормить отцов и мужей, и все они сосланы на жительство в разоренный Шугнан. Одного же из подчиненных Сеид-Али-хану командиров полка привязали за шею так, что он не мог ни лечь, ни сесть, а приставленные часовые ударами палки по голове будили несчастного, если он вздремнет стоя. Кормили его сухою и сильно соленою пищею, когда же он, изнемогая от жажды, просил пить — подавали воду, настоянную на табаке, которая производила сильную рвоту. В этом виде его обвозили по городам Бадахшана, выставляя на показ народу.

Англичанам, для того, чтобы укрепиться на южных склонах Гиндукуша, потребовалось подчинить своей власти Канджут и ввести английский гарнизон в Чатрар. В виду этого летом со стороны Гильгита снаряжена была экспедиция в Канджут. Сафдер-Али-хан отказался было пропустить англичан, но к границам двинут был 12 тысячный корпус кашмирских войск и англичане, угрожая войною, настойчиво требовали пропуска. Пришлось экспедицию принять в Бальтите, но дальше в глубь страны она все-таки [13] не была пропущена. Тем не менее английскому агенту удалось заключить договор, на основании которого владетель Канджута за ежегодную субсидию в 15,000 рупий встал к ост-индскому правительству в такие же отношения, в каких находятся к нему и друтия вассальные ханства сев. Индии. Сафдер-Али-хан, сообщив мне

письмом о договоре, горько жаловался на старшин своих, которые, будучи подкуплены англичанами, отказались драться и променяли родину на золото. Насколько вновь заключенный с Англией договор непрочен, можно судить из того, что после подписания договора, канджутский хан два раза письмами приглашал меня посетить его, а капитан Younghusband с нескрываемой злостью рассказывал мне летом 1890 г. в Яркенде, что канджутский хан, подписав договор и получив субсидию, на приглашение Younghusband'a посетить Индию ответил: “Я и мой Великий Покровитель ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III — мы в Индию не ездим”.

Правитель Чатрара отказался допустить английский гарнизон в пределы ханства; тогда эмир Абдурахман-хан объявляет войну Чатрару и двигает к границам его войска, освободившиеся после занятия Шугнана. Правитель Чатрара, не имея возможности бороться с сильным авганским эмиром, просит защиты у англичан. Ост-индское правительство предлагает эмиру Абдурахман-хану прекратить готовившиеся было военные действия только после того, когда в Мастудже, на истоках чатрарской реки, выстроено было англичанами укрепление. В вознаграждение за расходы эмиру предоставлено было завоевать Кафиристан. Удалось ли это предприятие авганцам — сведений не имею, [14] но генерал-губернатор Северного-Авганистана, в письме ко мне от половины Сентября 1880 г., называет Кафиристан провинцией Авганистана. Таким образом, осенью 1889 года, т. е. ровно год спустя после изложенных выше событий, англичанам не только удалось подчинить своему влиянию отложившиеся было области, но и завладеть Чатраром, Канджутом, а может быть и Кафиристаном. Одновременно с этим англичанам, как известно, удалось прочно укрепиться в Кашмире, магараджа которого, под предлогом неумения вести финансы страны, удален от управления, а делами в настоящее время управляет совет из 8 членов под председательством английского резидента в Кашмире полковник Nisbet'a. В совете этом только 4 члена кашмирцы, а остальные англичане, при чем двое из кашмирцев — близкие родственники устраненного кашмирского магараджи и претенденты на престол, а следовательно люди, заискивающие пред англичанами.

Покончив с Кашмиром, англичане перешли на северные склоны Гималая и заняли укрепление Шахидулла-Ходжу, пункт очень важный

потому, что к укреплению этому сходятся все торговые дороги из Кашмира в Китай и, кроме того, правительство, владеющее этим укреплением, овладевает вместе с тем громадным, годным к культуре и некогда густо населенным бассейном реки Раскем-Дарьи.

История занятия Шахидулла-Ходжи настолько поучительна и так рельефно обрисовывает политику англичан в Азии, что я изложу ее подробно.

Осенью 1888 г., во время пребывания моего в Канджуте, Сафдер-Али-хан снарядил сильную [15] разбойничью шайку и под начальством одного из канджутских старшин, некоего Махомед-Сахи, отправил на верховья реки Раскем-Дарьи с целью ограбления торговых караванов, следующих из Китая в Кашмир. Канджутцы подошли скрытно к Шахидулла-Ходже и дознавшись, что выше нынешнего укрепления находится богатый торговый караван, ночью напали на торговцев, но, встретив сильный отпор, как со стороны торговцев и погонщиков каравана, так и со стороны местных киргиз, отступили с уроном. Виновниками неудачи канджутцы сочли местных киргиз, заподозрив их не без основания в том, что киргизы предупредили торговцев о готовящемся нападении и помешали канджутцам напасть на караван врасплох. В виду этого они напали на стоявший в стороне киргизский аул и захватили в плен 21 человек со всем имуществом, а также больше 1000 голов разного скота. Киргизы не посмели преследовать разбойников, которые с богатою добычею благополучно вернулись домой. Родственники заперевших направились было к китайским властям в Яркенде и Кашгаре с просьбою заставить канджутцев возратить хотя бы захваченных в плен людей, но получили полный отказ в содействии. Тогда они снарядили посольство к Сафдер-Али-хану, который, оставив скот и имущество киргиз себе, согласился выдать людей за выкуп в 21 ямбу серебра (около 2500 рублей). Выкуп киргизы внесли, заперевшие люди были возвращены и дело это кануло бы в вечность, как и масса других разбойничьих проделок канджутцев, если бы в него не вмешался английский комиссар в Ладаке. [16]

В Шахидулла-Ходже проживает негласный английский агент низшего разряда авганец Джаль-Магомед-хан. Агент этот получил письмо от английского комиссара в Ладаке, в котором последний рекомендует киргизам Сары-Кии 2 еще раз обратиться к китайским властям с просьбою взыскать с канджутцев ограбленное имущество, а в

случае отказа китайцев удовлетворить эту просьбу, обратиться с жалобой к нему, английскому комиссару, при чем обещал полное свое содействие и помощь. Письмо это предъявлено было киргизам, которые немедленно направились с жалобой в Яркенд. Китайские власти отказали безусловно в содействии своем к возвращению ограбленного имущества. Тогда пострадавшие направились в Ладак и принесли английскому комиссару письменное прошение, за подписом и печатями всех киргиз, в котором просили защитить их от канджутцев. Прощение это развязывало англичанам руки, как по отношению к китайцам, так и в особенности — канджутцам. Киргизы получили щедрое пособие, а ост-индское правительство обратилось с официальным требованием в Пекин — обуздать, подвластный в то время Китаю, Канджут и принять меры к прекращению беспорядков на большой караванной дороге из Кашгарии в Кашмир, так как грабежи канджутцев вредят сильно торговым интересам Англии. Из Пекина последовал запрос местным властям в Кашгарии, которые поспешили ответить, что канджутцы разбойничье племя, подчиненное Китаю номинально, а нападение на торговый караван и киргиз совершено [17] далеко вне последнего китайского караула, а следовательно и вне пределов Кашгарии. Ответ этот сообщен был из Пекина ост-индскому правительству, которое снарядило экспедицию под начальством капитана Younghusband'a для занятия местностей, от которых отказывались китайцы. Начальнику экспедиции поручено было восстановить укрепление в Шахидулла-ходже, занять его кашмирским гарнизоном и принять в подданство местных киргиз.

О всем вышеизложенном я доносил год тому назад, при чем высказывал предположение, что англичане, не встретив противодействия, не остановятся на этих успехах и попытаются влияние свое распространить на Памиры, т. е. к самым границам России. К сожалению, предположениям этим суждено было оправдаться скорее, чем я думал.

Летом 1890 г., исследуя среднее течение реки Яркенд-Дарья, я узнал, что в Яркенд прибыла большая английская экспедиция под начальством капитана Younghusband'a. Офицер этот известен своей смелой поездкой из Пекина, чрез весь Китай в Яркенд и дальше чрез Мустагский хребет в Кашмир (в 1886 г.), и заключением договора с правителем Канджута (в 1889 г.). Для меня стало очевидным, что столь

опытный агент командирован был английским правительством, для выполнения важных, предначертаний. Поэтому, закончив работы, я поспешил в Яркенд, где застал англичан в разгаре переговоров с местными китайскими властями. Что переговоры с китайскими властями должны были вестись совершенно секретно, подтверждается тем обстоятельством, что капитан Younghusband, не доверяя скромности переводчиков из туземцев, [18] привез с собою переводчика англичанина, а секретарем — китайца, родившегося в Индии. Тем не менее, при некотором умении ладить с китайцами, мне не трудно было узнать, что цель переговоров состояла в разделении Памиров между Авганистаном и Китаем. Яркендский амбань лично мне рассказывал, что приезд Younghusband'a совпал с активным движением авганцев, которые летом 1890 г. напали невзначай на памирских киргиз, считающих себя китайскими подданными и угнали 60 кибиток этих киргиз в Шугнан. Памиры занимают громадную площадь, приблизительно между 37 — 39° С. широты и 42 — 45° долготы к В. от Гринвича. На Памирах берет начало Аму-Дарья. К северу от Памиров лежит Ферганская область при чем крайний пункт, занятый ныне нашею администрацией, озеро Большой Кара-куль отстоит всего в 60 верстах от долины реки Ак-су (Мург-оба). С юга Памиры отделяются от английских владений в Индии Гиндукушем, на южных склонах которого расположены ханства, входящие в состав Индии. Таким образом, до настоящего времени, Памиры составляли нейтральный пояс, отделяющий русские владения в Азии от английских. Россия не переступала к югу от Закаракульского хребта, англичане к северу — от Гиндукуша. Между тем, если обратиться к истории, то права России на Памиры возникают сами собою, ибо Памиры всегда входили в состав бывшего Коканского ханства и управлялись ставленниками коканских ханов. Местное киргизское кочевое население хорошо помнит это обстоятельство и никогда не отрицает, что оно принадлежало Коканскому ханству; наконец везде на Памирах до настоящего времени существуют [19] развалины укреплений, в которых жили ставленники коканских ханов. Самым южным укреплением следует считать развалины Бозай — и — Гумбеза (на истоках р. Вахан-Дарья, на Малом-Памире). Здесь жил последний правитель Памиров, Бозай-Датха, назначенный коканским ханом Худояром, и, 27 лет тому назад, убитый в стычке с разбойничьей шайкой канджутцев. Тело Бозай-Датхи

погребено у самого укрепления, а над могилой воздвигнута гробница, от которой и самая местность получила свое название. Заняв коканское ханство, Россия естественно имела полное право занять и Памиры. Покойный туркестанский генерал-губернатор К. П. фон-Кауфман не занял Памиров, руководствуясь, насколько мне известно, между прочим следующими соображениями: а) Движение русских в глубь Центральной Азии всегда вынуждалось необходимостью и нередко не только не одобрялось центральным правительством, но, подчас, и шло в разрез с указаниями, даваемыми из С.-Петербурга. Занятие Памиров и появление русских на Гиндукуше естественно должно было встревожить английское правительство, чего, по обстоятельствам того времени (турецкая война 1877 г.), желательно было избежать. б) Памиры в то время были почти пустыни, так как редкое кочевое население подвергалось непрерывным нападениям разбойничьих шаек, независимых тогда ханов Канджута, Чатрара, Вахана и Шугнана. Заняв Памиры, Россия вынуждена была бы охранять своих новых подданных и следовательно пришла бы в столкновение с вышеупомянутыми ханами, что было тоже крайне нежелательно. в) Памиры с запада и юга окружены были только что [20] перечисленными мелкими ханствами, а с востока Кашгариею, которою управлял в то время Якуб-бек. Все эти ханства не могли представить никакого сопротивления могущественной России и следовательно Памиры могли быть заняты при первой необходимости. В настоящее время обстоятельства резко изменились и, как мы видели выше, Шугнан и Вахан заняты авганцами, Чатрар, Ясин и Канджут, — англичанами, а Кашгария — китайцами. Следовательно, в настоящее время, Памиры окружают сильные державы, из коих Китай фактически занял большую часть Памиров. Самовольный захват этот, относясь совершенно беспристрастно, нельзя не признать несправедливым, не только вследствие вышеизложенных прав России на Памиры, но и вследствие следующих соображений: а) Прежние китайцы, т. е. китайцы, владевшие Кашгарией до захвата этой страны Якуб-беком в начале 60 гг., не распространяли своих владений дальше окраин восточных склонов Тянь-Шаня, Кашгарского хребта и т. д. Якуб-бек, завладев Кашгарией, и укрепившись в ней, воспользовался слабостью и внутренними междоусобиями, раздиравшими Коканское ханство и выдвинул передовые посты свои в глубь гор Тянь-Шаня и Кашгарского хребта, но на Памиры влияния своего не распространял.

Когда в 1877 г. умер Якуб-бек, а сын его Бек-Кули-бек, не в состоянии был дать отпор китайцам, то последние вновь завладели Кашгариею и остановились на пунктах, занятых прежде Якуб-беком. В 1883 г. памирская экспедиция капитана Путяты встретила китайские посты уже по р. Муджи (исток Геза), но дальше к западу Памиры не были заняты китайцами. В 1888 г., во время путешествия в [21] Канджут, я совершенно неожиданно наткнулся на китайские посты по р. Ак-су. В 1889 г., следуя из Ферганской области чрез Кудару (Кок-джарь) и Памиры за Гиндукуш, я был свидетелем, как начальник пограничной линии Джан-Дорин назначил беков по р. Аличур, т. е. с 1883 по 1889 г. китайцами занят почти весь Памир и б) Памирами владеют китайцы совершенно номинально. Они не только не берут в свою пользу никакой подати с местного населения, но и не в состоянии защитить его от вымогательств канджутского хана, который взимает подати, чинит там суд и расправу. Вся власть китайцев заключается в том, что назначив беками родовичей из местных киргиз, награждал их чинами и небольшим жалованьем, они заставляют приезжать раз в год на поклон к кашгарскому губернатору и доносить себе о политических событиях в соседних ханствах.

В военных сферах составилось убеждение, что дороги чрез Памиры и Гиндукуш, как пролегающие по местности не ниже 12,000 футов, с перевалами в 15 — 16,000 футов, для движения войск недоступны. Взгляд этот едва ли можно назвать правильным по следующим соображениям:

1) Я изъездил Памиры по всем направлениям и никогда ни лично сам, ни мои спутники не страдали от разреженного воздуха. Доблестные туркестанские войска в 1876, 81 и 82 г.г. в составе целых отрядов, с громадным обозом, полевой и горной артиллерией, переваливали трудный Алайский хребет в долину Большого-Алая и дальше на оз. Большой Кара-куль (13,600 фут.), жили там по [22] несколько месяцев и санитарное состояние войск было блестяще. Такой же пример можно указать и в китайских войсках, которые, в составе нескольких тысяч, преследуя одного из претендентов на кашгарский престол Джахангир-ходжу, прошли Памиры до озера Япиль-куля, укрепились по обеим сторонам его и, перезимовав, благополучно вернулись в Кашгарию. Развалины этих укреплений существуют до

настоящего времени и известны у местного населения под именем: “Кафир-Кала”, т. е. укрепление неверных.

2) Дороги по Памирам настолько удобны, что при самой незначительной разработке перевалов и некоторых подъемов и спусков, допускают возможность движения даже орудий в запряжку. Перевалы в 15 и более тысяч футов не могут задержать наступления войск, так как подступы к ним тянутся полого на целые десятки верст и при том перевалы эти возвышаются над окружающего местностью всего на 2 — 3 тысячи футов. Перевалы же в Гиндукуше: Калик, ведущий в Канджут, и Барогиль, ведущий в Чатрар, — настолько удобны, что допускают возможность движения войск без всяких исправлений. Правда, спуск с перевалов и движение в глубь Индии по узким щелям северных истоков Инда представляют громаднейшее затруднение и, без серьезных исправлений для движения недоступны, но расстояние от перевалов до проведенных англичанами по Кашмиру шоссе не превышает 200 верст и, при сочувствии к нам местного населения, снабженного для разработки дорог усовершенствованными орудиями, могут быть быстро исправлены. [23]

3) Памиры далеко не безлюдная пустыня и там во многих местах встречаются кочевники — киргизы, подножный корм и топливо (терскен).

Излагая все вышеприведенное, я вовсе не хотел бы вселить убеждение, что дорога чрез Памиры есть самый удобный путь в Индию. Наоборот, я глубоко убежден, что в случае столкновения с Индией, главные силы русских войск будут двинуты со стороны Закаспийской области чрез Герат и частью из Туркестана чрез Бамьян на Кабул. Но думаю, что посылка чрез Памиры в Кашмир 3 — 4 тысячного корпуса не только вынудит англичан отказаться от мысли воспользоваться кашмирскими войсками для борьбы с Россией, но, в силу недовольства кашмирцев англичанами усиленного низложением в настоящее время кашмирского магараджи, заставит англичан выделять часть войск из внутренней Индии для наблюдения за Кашмиром. Таким образом, появление даже небольшого отряда русских войск со стороны Памиров отвлечет громадные силы у англичан и в значительной степени облегчит задачу главного операционного корпуса.

Весьма важное значение в стратегическом отношении имеет находящаяся в пределах России долина Большого-Алая. Долина эта, так

удачно названная покойным Северцевым, “северным уступом Памира”, представляет глубокую впадину длиною около 200 верст, при средней ширине около 20 верст. Долина эта тянется с запада на восток и на всем своем протяжении покрыта великолепными пастбищами, которые тянутся и по скатам окружающих долину гор почти до линии вечных снегов. Пастбища эти привлекают [24] ежегодно из внутренних частей Ферганы десятки тысяч самых богатых кочевников, которые, не имея возможности прокормить в Фергане громадные табуны скота, страдающие от недостатка пастбищ, жары и овода, являются на летние стойбища в долину Большого-Алая, прогоняя с собой десятки тысяч верблюдов, сотни тысяч лошадей и бесчисленное количество баранов и другого домашнего скота. Так как долина Алая в восточной части своей, т. е. в местности с самыми лучшими пастбищами, повышается почти до 12,000 футов над уровнем моря, а в западной, самой низкой, — понижается только до 8,000 футов, то скот, пригоняемый сюда, вполне привыкает к разреженной атмосфере и с тяжелыми выюками свободно проходит перевалы в 16 — 17,000 футов. С другой стороны, население Ферганской области не может обойтись без пастбищ долины Алая, и какие бы тяжелые политические обстоятельства население не переживало, оно должно явиться туда на летние стойбища. Таким образом, долина Большого-Алая является естественною базой, где может и должен базироваться всякий отряд, направляющийся из русских пределов через Памиры в Индию и где, в свою очередь, всякий отряд, движущийся из Индии в пределы России, найдет всегда летом, а подчас и зимою, не только выючных животных, но и порционный скот.

Как долина Большого Алая справедливо может считаться этапным пунктом для движения русских на Памиры и далее за Гиндукуш, так, в свою очередь, долина озера Шива поможет англичанам снарядиться для дальнейшего похода в русский Туркестан.

Озеро Шива находится на плоскогорье высотой [25] около 11,000 футов, в громадной излучине Панджа, находящейся между городами: Ишкашимом, Кала-и-Хумбом и Рустаком. Озеро это посетил один только европеец — русский путешественник доктор Регель. Но его посещали неоднократно пундиты и разница в показаниях д-ра Регеля и пундитов о величине озера поразительная. Со слов д-ра Регеля, озеро Шива нанесено на наших картах как громадный водяной бассейн в 450 квадратных верст, пундиты же обозначают его небольшим озером,

всего длиною в 1,200 шагов. Разница совсем непонятная. Бывший начальник топографического депо в Индии, генерал Уокер, желая примирить столь разноречивые показания, предполагает, что шивинское плоскогорье настолько обширно и мало исследовано, что д-р Регель и пундиты могли, не подозревая того, видеть два различных водяных бассейна. Предположение это едва ли справедливо, так как самый тщательный опрос туземцев, постоянно кочующих близ озера Шива и пересекавших шивинское плоскогорье во всевозможных направлениях, категорически опровергают возможность существования двух водяных бассейнов. По словам этих туземцев, озеро Шива имеет в длину около 3 — 4 верст, при ширине в одну версту. Долина озера Шива, равно как близ лежащие ущелья и скаты гор покрыты великолепными пастбищами, привлекающими кочевое население не только из Северного-Авганистана, но и Бухарского ханства.

Летом близ озера Шива и в окрестных ущельях собирается всего до 12,000 кибиток кочевников, пригоняющих на пастбища шивинского плоскогорья до 1,200,000 баранов, 120,000 лошадей, 25,000 [26] верблюдов и 200,000 рогатого скота. Цифры эти, конечно, гадательны, но, помещая их, я сократил по крайней мере в 4 раза заявления многочисленных очевидцев, проверенные перекрестными распросами.

Столь значительное количество скота, сконцентрированного в течении летних месяцев на сравнительно небольшой площади, само по себе наглядно свидетельствует о важном военном значении шивинского плоскогорья не только как пункта, своевременный захват которого может обеспечить продовольствие и перевозочные средства действующей армии на все время кампании, но и как пункта, захватить который необходимо, что-бы лишить противника указанных выше ресурсов.

В силу вышеизложенных соображений Памиры с прилегающими к ним местностями имеют несомненную важность для России. Я считаю не менее необходимым поддерживать дружественные отношения с мелкими ханствами, расположенными на южных склонах Гиндукуша.

Соглашаясь вполне, что державе столь могущественной как Россия неуместно вступать в письменные сношения с такими мелкими и непривычными сдерживать свои обязательства ханами, как например владетель Канджута, я, близко изучив характер азиатов, полагал бы

полезным, ради поддержания престижа и обаяния России, удовлетворять их мелкие просьбы. Так, два года тому назад канджутский хан убедительно просил подарить ему хотя бы 100 берданок и 2 горных орудия. Казалось бы, что просьбу эту можно было бы удовлетворить частно, не связывая себя никакими обязательствами, напр. в виде подарка за гостеприимство и радушие, оказанные мне, русскому офицеру, и [27] моему небольшому конвою во время бытности нашей за Гиндукушем. Подарок такой не только расположил бы окончательно правителя Канджута в нашу пользу, но и поднял бы престиж и обаяние России, как в этой стране, так и в соседних ханствах. Исполнить это было бы тем удобнее, что англичане тщательно скрывают факт заключения ими договора и официально вассальные отношения Канджута к Индии нашему правительству — неизвестны.

Вот в общих чертах события, на которые считаю нужным обратить внимание. Повторяю, что англичане двигаются вперед по всей линии и двигаются систематически, по строго обдуманному плану. Если им удастся добиться разделения Памиров, то в руках авганцев, или вернее англичан, окажутся не только все дороги чрез Памиры, но и сами они очутятся всего в одном переходе от оз. Большого-Кара-куля, и в 2-х от долины Большого-Алая, важное значение которой мною уже указано. Такое близкое соседство с Ферганской областью, так недавно еще присоединенной и содержащей столь много горючего материала, вряд ли удобно. Не следует забывать, что не дальше как в 1885 г. Фергану охватило весьма сильное движение, не перешедшее в поголовное восстание, только благодаря решительным и крутым мерам администрации, притом движение, при содействии авганцев, явно вызванное наущениями извне.

Достоверно известно, что все авганские торговцы, проживающие в Фергане, обязаны доставлять срочные сведения о передвижении войск и действиях русских властей.

Наконец, если дороги чрез Памиры теперь удобны [28] для движения нашего в Индию, то, нет сомнения, оне будут еще удобнее, очутившись в руках англичан, для движения в наши владения и помогут осложнить наше положение в самую критическую минуту, когда нам может понадобится напряжение всех сил наших в Азии. Поэтому, ради собственного спокойствия и поддержания престижа России, доставшегося нам дорогою ценою, казалось бы необходимым

остановить англичан и дать им соответствующий отпор, для чего лучшим средством было бы приступить к немедленному дальнейшему разграничению с Китаем, а если обстоятельства будут благоприятны, то и с Афганистаном.

Дело в том, что разграничение между Китаем и Ферганской областью доведено в 1883 — 84 г.г. только до пер. Уз-Бель, т. е. как раз до Памиров. Так как разделение Памиров между Афганистаном и Китаем существенно затрагивает интересы России и так как переговоры по этому вопросу уже ведутся в настоящее время, то казалось бы, что России не трудно будет помешать утверждению их, пока переговоры эти не ратификованы, а китайцы не связаны статьями, расторжение коих может оказаться невозможным. Выше было указано, что китайцы, захватив Памиры, владеют ими номинально, выгод никаких не извлекают, а потому вряд ли теперь можно ожидать серьезного дипломатического протеста при предъявлении прав своих на Памиры. Но обстоятельства резко изменятся, если китайцы, ради собственного спокойствия и желания избежать афганских набегов, заключат договор с англичанами. Китайцы народ самолюбивый и, поддерживаемые англичанами, никогда [28] не признают, что они не имели права на Памиры. Ссориться нам с многомиллионным населением Китая невыносимо. Но, разграничившись с Китаем, вытеснить с Памиров англичан не представит никаких затруднений.

Подполковник Б. А. Громбчевский.

С.-Петербург, 14 Марта 1891 г.

Комментарии

1 Письмо это тогда-же отправлено было мною к консулу в Кашгар для представления в министерство иностранных дел.

2 Средняя часть течения реки Кара-Кош-Дарьи близ Шахидулла-ходжи носит название Сары-Кия, т. е. желтая тропа.